

пришлось умерить его пыл. Никитин неукоснительно следовал правилу справедливо распределять средства Академии между ее учреждениями, чтобы одни не ущемляли прав других и «материальное процветание отдельных учреждений возможно менее зависело от степени предприимчивости и искусства директоров в деле возбуждения и проведения ходатайств о новых ассигнованиях»²⁸⁵. В экстренном ассигновании Радлову было отказано, необходимые средства на музей включены в смету следующего года и получены директором уже на законном основании.

В 1912 г. состоялось торжественное открытие Петровской галереи²⁸⁶, а сам Радлов в том же году по ходатайству председателя попечительного совета Этнографического музея герцога Лейхтенбергского был представлен к ордену Александра Невского за особые заслуги по устройству Петровской галереи.

Правление Академии наук

Никитин очень скромно оценивал свою роль в должности вице-президента и не раз, усмехаясь, говорил, что в Академии наук он в основном занимается заготовкой дров и осматривает зубы лошадей, имея в виду свои повседневные заботы в Правлении Академии.

В состав Правления Академии наук входили президент, вице-президент, три члена Академии, которые избирались по одному от каждого отделения на трехлетний срок, а также правитель канцелярии и его помощник²⁸⁷. Правление собиралось в течение академического года два раза в неделю, по вторникам и пятницам с 9 до 12 часов, а во время летних вакаций (с 1 июня по 15 августа) — один раз в неделю.

В ведении Правления находились все хозяйственные вопросы: оно отвечало за сохранность и целостность собственности Академии, денежной казны и коллекций; следило за безопасностью зданий, за их содержанием и ремонтом, отоплением и освещением; распоряжалось приходом и расходом денежных средств, в его ведении находились типография, финансирование изданий и ученых предприятий Академии наук. Никитин был

---

²⁸⁵ Там же. Д. 33. Л. 3 об.—4 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 29.01.1910.

²⁸⁶ Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. Галерея императора Петра I / Составил Э. К. Пекарский. Пг., 1915; Галерея Императора Петра I // Императорская Академия наук. 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 286–290.

²⁸⁷ Желательным, но необязательным было участие в деятельности Правления непрямого секретаря.

председателем Правления и вел деловую переписку с разными ведомствами по вопросам академической жизни.

Повседневные заботы Правления были довольно прозаичны. В условиях петербургского климата академические здания и особенно их крыши требовали постоянных починок. Ежегодно Правление определяло, какие здания нуждаются в ремонте, и выделяло на ремонтные работы деньги. Иногда академики допускали и досадные, хотя и простительные для них, ошибки. Например, в конце лета 1904 г. члены Правления академики Бородин и Залеман в отсутствие Никитина на основе показаний архитектора признали необходимость срочного ремонта крыши Этнографического музея. Более тщательный осмотр крыши с участием Никитина показал, что она может еще послужить.

Константин Константинович, узнав о колебаниях Правления, выразил недоверие к компетентности академиков в кровельном деле и потребовал экспертизы специалистов. Благополучие крыши сразу отступило для Никитина на второй план: более всего он опасался того, что высказанное академиком недоверие заставит их впредь быть равнодушными и безучастными исполнителями обязанностей членов Правления. А это, по его мнению, было бы большим вредом для Академии, чем какие-либо изъяны на крыше Этнографического музея²⁸⁸. «Чем чаще расхожусь я с гг. Бородиным и Залеманом во мнениях, — писал в связи с этим недоразумением Никитин Константину Константиновичу, — чем различнее свойства наших натур, тем яснее сознаю необходимость таких членов Правления, каковы они, при таком председателе, каков я: они наделены той способностью быть строго взыскательным к чужому труду и недоверчивым к чужим словам, которая по свойству дел, порученных Правлению, нередко требуется и которой нынешний председатель Правления не обладает»²⁸⁹. Константин Константинович извинился за свою бестактность и объяснил, что «указанием на пользу обращения в подобных случаях к заключению экспертов я имел в виду помочь академиком и возвысить значение их суждений и решений Правления в вопросах специально технических. В этом указании нельзя видеть недоверия к деятельности членов Правления и к их заботам об интересах Академии»²⁹⁰.

В Правлении находился список всех служащих в Академии наук, с

---

²⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–87. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 1.10.1904.

²⁸⁹ Там же. Л. 86 об.–87.

²⁹⁰ Там же. Л. 88–88 об. Письмо Константина Константиновича (составленное П. Е. Кепеном) П. В. Никитину от 4.10.1904.

обозначением времени поступления их на службу, получения последнего чина и последней награды. Правление заботилось о том, чтобы члены Академии наук получали возможно более высокие награды и внеочередные чины, и постоянно прибегало для решения этих вопросов к авторитету и связям своего президента. Ежегодно Правление подавало в Министерство народного просвещения списки служащих Академии, представленных к наградам (обычно число награждаемых составляло 29–33 человека). Эти списки предварительно уточнялись и согласовывались с президентом Академии наук. Составление представлений о наградах было делом деликатным, необходимо было взвесить и учесть все обстоятельства.

Например, в 1902 г. Никитин в письме президенту высказал следующие соображения по поводу готовящегося представления о наградах: «Ваше Высочество предположили представить академика Бородина. Я не имею ни малейшего основания оспаривать его достоинства и заслуги. Напротив, я очень удивляюсь, почему, прослужив 33 года, он имеет сравнительно мало знаков отличия и уже почти пять лет не получал никакой награды. Но если это случилось по вине того ведомства, в котором он до сих пор служил, то — мне кажется — на первое время следовало бы этому ведомству предоставить возможность и загладить эту вину: он ведь остается еще и профессором Лесного института и членом Ученого комитета Министерства земледелия. Избрание в Академию, да еще прямо в ординарные академики — само по себе награда высокая и существенная. Он избран весной этого года и лишь несколько недель участвовал в трудах Академии. Прежде — насколько мне известно — вновь избранные академики не были представляемы начальством Академии к наградам в пределах года или двух.

Одновременно с Бородиным в состав штатных ординарных академиков вошел Фортунатов. Число лет всей службы у него меньше, чем у Бородина — 27, но Академии он принадлежит уже четвертый год, так как три года был сверхштатным академиком. По своей специальности он — первый авторитет у нас в России и один из первых в Европе... Ничем иным, кроме представления к почетным наградам, Академия не может вознаграждать заслуг своих сверхштатных членов. Поэтому нельзя не порадоваться, что Ваше Высочество пожелали почтить многолетнюю деятельность, ученость и талант академика и профессора Ключевского представлением к чину, который он может получить только через Академию... Если не обманывает меня моя догадка, Ваше Высочество пробовали также найти возможность для представления к очередным наградам академиков Шахматова и Сони-на. Поскольку я могу судить, Шахматов и как ученый, и как член Отделения, и как директор библиотеки трудится с таким усердием и успехом,

что едва ли кто-нибудь более его заслуживал бы награждения. При характере и взглядах Сонины от него легче, чем от многих других, можно ожидать, что, не получив наград по истечении обычного срока и увидев некоторых сослуживцев в тот же срок награжденными, он подумает, будто его обошли с целью выразить ему неудовольствие. Между тем его деятельность по Академии за последние годы, кажется, не давала каких-либо высоких поводов к неодобрению»²⁹¹.

При составлении представлений о наградах Никитин старался учитывать и пожелания претендентов. Нельзя было забывать и о том, что за ордена производились вычеты, и сумма, которую необходимо было уплатить, была довольно значительной. Поэтому не для всех орденов была наградой приятной. Академик Марков, например, заявил в 1903 г. о своем нежелании получать награды²⁹². В 1910 г. Никитин дал следующие разъяснения Константину Константиновичу, почему ряд лиц не был включен в список награжденных: «Не отмечен академик Ягич потому, что, получив последний орден, весьма неохотно согласился уплатить установленный взнос за эту награду. Не отмечен академик Ламанский. При тех расходах, каких стоит ему собственное лечение и содержание семьи, едва ли он был бы обрадован наградой, вызывающей необходимость нового значительного расхода. Не уверен я в том, что орденская звезда обрадовала бы слепого старца Голубинского, который так ослаб силами и здоровьем, что не в состоянии приехать в Петербург и уже два года не был в Академии. Не знаю, был ли бы благодарен Академии не получающий от нее содержание сверхштатный академик Ключевский, если бы, получив по ее представлению орден, должен был уплатить за него значительную сумму»²⁹³.

Сам Никитин был награжден чином действительного статского советника еще в конце 1887 г. как профессор университета, чином тайного советника — в мае 1896 г. как ректор университета и орденом св. Владимира 2-й степени — 1 января 1905 г., будучи вице-президентом Императорской Академии наук.

В ведении Правления находились и пенсионные дела. В 1893 г. акаде-

---

²⁹¹ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21. Л. 44–45. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 24.09.1902.

²⁹² 23 марта 1903 г. Марков направил в Правление Академии наук следующее заявление: «Ввиду присланного мне, по определению Правления, уведомления о порядке производства вычета за ордена, честь имею покорнейше просить Правление принять во внимание, что я никаких орденов не прошу и не желаю получать». Опубл.: *Марков А. А. Избранные труды. Теория чисел. Теория вероятностей*. М., 1951. С. 606–607.

²⁹³ ПФА. РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 69–69 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.09.1910.

мики были уравниены в пенсионных правах с профессорами университетов. Пенсии полагались в случае неизлечимой болезни и последующей отставки. Семье умершего члена Академии полагалось наряду с единовременной выдачей годового жалования пенсия от четверти до половины штатного содержания. В случае болезни академикам предоставлялся длительный, до полугода, отпуск и выдавалось пособие на лечение в размере 1000 руб. Обычно за медицинской помощью они обращались к частным докторам, хотя в Академии был свой врач. Академический врач занимал нештатную должность и лечил главным образом служителей и типографских рабочих.

В 1907 г. должность врача была вакантной, и среди кандидатов был зять Радлова Моор, получивший медицинское образование в Америке. Не желая поощрять кумовство, Правление отказалось отдать ему предпочтение, ссылаясь на то, что ему были чужды условия и привычки русской народной жизни. Никитин предъявил и такое возражение: «Удобно ли будет для Правления Петербургской Академии наук, высшего русского ученого учреждения, оказать исключительное предпочтение кандидату, получившему медицинское образование в Америке, и тем самым оставить за флангом всех конкурентов, прошедших русскую медицинскую школу?»²⁹⁴ Моор отозвал свое прошение, и выбор Правления остановился на докторе В. В. Фансмите.

Правление занималось распределением казенных квартир. Квартиры располагались в главном здании, Музеем флигеле, в «доме академиков» на углу Николаевской набережной и 7-й линии и в доме № 17 по 8-й линии. За вице-президентом была закреплена квартира № 4 в «доме академиков» на 7-й линии: она находилась на втором этаже, ее окна и большой балкон выходят на Неву. В этом доме в начале XX в. был установлен телефон, правда, он был «коммунальный», один на весь дом. Иногда по срочным делам Никитин звонил Константину Константиновичу по «домашнему» телефону.

В Правлении составлялись квартирные списки, в которые академики вносились по старшинству их избрания в академики. Когда квартира освобождалась, об этом сообщалось академикам, а те могли заявить о своем желании получить освободившуюся квартиру. Квартира предоставлялась президентом старшему академику из числа подавших заявление. Вне очереди получали освободившуюся квартиру непременно секретарь, директор музеев, лабораторий и обоих отделений библиотеки.

---

²⁹⁴ Там же. Д. 29. Л. 24–24 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 15.04.1907.

Вот, например, как проходило в 1900 г. распределение квартиры, освободившейся после смерти Васильева. Правление в первую очередь предложило ее больному академику Коржинскому, имевшему очень неудобную квартиру, но он от перемены отказался. Тогда квартира была предложена академику Шахматову, как директору Библиотеки. Но он, узнав, что право на квартиру имеет еще Фаминцын, как заведующий Ботанической лабораторией, заявил, что возьмет квартиру только в том случае, если от нее откажется старший конкурент. Фаминцын не отказался, и поэтому квартира была утверждена за ним²⁹⁵. Шахматов остался в своей квартире на втором этаже главного здания²⁹⁶.

Императорская Академия наук и политическая жизнь страны

Университетский вопрос

Императорская Академия наук до конца XIX в. была известна своим лояльным отношением к правительству. Однако на рубеже XIX–XX вв. положение изменилось: в Академии росли либерально-оппозиционные настроения, в первую очередь благодаря тем ее членам, которые были тесно связаны с университетами и не могли остаться в стороне от происходивших там событий. Выступления студентов на рубеже веков стали обычным явлением русской жизни²⁹⁷.

В начале 1901 г. в Петербурге и Киеве усилились студенческие волнения, в результате которых 183 студента были отданы в солдаты. В знак протеста против этой жестокой меры в Петербурге у Казанского собора состоялась общая студенческая демонстрация. Брутальный разгон этой демонстрации вызвал студенческие забастовки, нормальный ход учебных занятий в университете совершенно расстроился. Академики Бекетов и Шахматов подписались под запиской 99 деятелей просвещения, науки и литературы. Министр внутренних дел Д. П. Сипягин потребовал от пре-

---

²⁹⁵ Там же. Д. 17. Л. 94 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.10.1900.

²⁹⁶ После смерти Шахматова в 1920 г. две комнаты его бывшей квартиры заняло Рукописное отделение Пушкинского дома.

²⁹⁷ О студенческом движении в начале XX в. см.: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. М., 1971; *Ганелин Г. Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (Из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 120–135; *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991.